

Ольга Пойманова

ЛОСКУТКИ

Ольга Пойманова

Лоскутки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68588129

SelfPub; 2022

Аннотация

Перебирая вещи бабушки, мы нашли сверток со старыми фотографиями. Отлично, я в детском саду. Новогодняя елка, костюмы, утренник... Только я почему-то вообще ничего об этом дне не помню. Интересно, а кто эти люди рядом со мной? И вообще, почему бабушка все свои снимки хранила в альбомах, а эту засунула так далеко? Но непросто засунула, как ненужную вещь, а заботливо обернула в газетку. Неужели я на этом снимке настолько милая, что ее стариковское сердце каждый раз заходило от восторга? Или же тут скрыт какой-то особый смысл? какая-то тайна? А что, если я разыщу детей с фотографии? Да, пожалуй, займись этим прямо сейчас!

Ольга Пойманова

Лоскутки

– Юлька, гляди, что я нашла! – мамка выбралась из недр старого бабушкиного шкафа с каким-то бумажным свертком. Я тоже бросила разбирать пожитки, повернулась к ней. Уж больно счастливое лицо было у моей родительницы, грех на такое не поглядеть.

– Мам, это что ещё такое?

– А ты открой!

Разворачиваю старую газету. Мельком отмечаю, что она 1995 года. Ну надо же, древность какая! Сколько мне тогда было? Пять, я как раз в садик той осенью пошла. Бумага затертая, и серая типографская краска пачкает мне пальцы. Видно, бабуля не раз разворачивала эту свою драгоценность, любовалась, а потом снова прятала. Она вообще любила делать такие вот тайнички. Памятки, как она их называла. С ее уходом от нас мы с мамой откопали много удивительных вещей. Интересно, а тут-то что?

Я осторожно отогнула край газеты. Какие-то картинки цветные...

– Мам, да это же фотографии! Ты смотри!

– Оооо... Вот это находка! Я думала, их нет давно, наши-то пропали при переезде! Юлька, это шик! Дай глянуть!

Я отдала. В минуты волнения моя мамочка всегда вы-

ражалась как Эллочка-Людоедка. Если она говорит "шик", значит, случилось что-то запредельное. А уж если сказала "Блеск"...

– Красотааа... – протянула меж тем моя любимая и подала мне снимок.

Всё, теперь я знаю, зачем бабуля хранила эту газетку. А чтобы не запамятовать, в каком году все это приключилось! Так и есть. Мой сад. Огромная ёлка, живая, наряжена мишурой и флажками. А внизу...

– Мам, это я, что ли? – пальцем показываю на малышку в костюме Белочки.

Родительница заливается счастливым смехом.

– Нет, не ты. Ищи!

– Неужели эта? – палец переползает на Снежинку.

– Мелко плаваешь! Вот ты! – и она передвигает мою руку.

– Медведь? Seriously? – я глазам своим не верю. В роскошных алых шароварах, в меховой безрукавке, с ушами от Чебурашки, с огромными щеками, с нарисованным черным носом никак не могу быть я!

– А то! – убеждает меня родительница. Да ты всех конкурентов локтями распихала, на всех мальчишек наорала, воспитательницу укусила. А все потому, что снежинок, белочек и зайчиков было по два, а медведь один, да ещё в таких портках!

А вот это на меня похоже! Я любовно погладила свои домашние штанишки в безумный горошек и страшно собой за-

гордилась.

– Я тебе больше скажу! – мамочка продолжала тешить моё самолюбие. – Ты и стихи медвежьи за вечер выучила! Обычно не заставишь, а тут запросто! Да ещё за нами с бумажкой бегала, чтобы мы тебя проверили!

– Класс! Не посрамила отечество! – довольная, я взяла следующий снимок. Всё те же, всё там же. Только теперь рядом с нами стоял снеговик. Такой очень симпатичный снеговик, седой, как лунь, морщинистый, с добрым светлым лицом. И ведро на голове, а как же!

– Ой, а я её помню! Это же Валентина... Как же её...

– Ещё б ты не помнила! Ивановна она была. Самая любимая твоя воспитательница!

Точно! Валентина Ивановна. Мой добрый ангел. Сколько сказок мы с ней прочитали в детском саду! Что ни день, то новая! Это же она меня читать-то и научила! Когда ей надоело, что я вечно бегаяю за ней и прошу сказку, она взялась показывать мне буквы. Да так понятно объяснила, что вскоре уже за мной стали носиться дети, чтобы я им почитала вслух. Как же мне было это приятно!

– Ну все ясно. Если ты ещё раз скажешь, что я люблю выпендриваться, я тебе покажу, кто меня к этому приучил! – шутливо грожу я маме пальцем!

– Да уж прям, – она не в обиде. У меня мировая мама, и шутки отлично понимает. – Она, кстати, тоже роль снеговика с боем себе добыла, у физрука отобрала! Ты, говорит, мо-

лодой и темный, а я старая и белая! Мне вон даже на голову ничего кроме ведра не надо, я и так вся в снегу! Шикарная была воспитательница, всем бы такую!

– А что с ней? Жива? – спросила я.

– Кто ж знает... Лет-то сколько прошло!

Сколько лет... Я вгляделась в фотографию. Кто эти дети, где они? Ой, а заяц-то, похоже, Максим! Ну, точно, Максим, мы же с ним в первом классе за одной партой сидели! Вон и уши его лопухие из-под заячьей шапки видны! А остальные кто?

Мама тоже этого не знала.

Я взяла фотографию и приложила ее к стене.

– Мам, а у нас рамки есть?

Она отошла немного в сторону, прикинула, как будет смотреться.

– А что, с настроением! Давай повесим!

Тем же вечером, потягивая какао из любимой бабушкиной кружки, я любовалась делом рук наших. Уж больно хорошо выглядели снимки на стене. Было в них что-то волшебное. Словно старое кино смотришь. Уж знаешь его наизусть, а все равно радуется.

– Ведь не знаю ничего, – подумала я... Максимка проучился с нами три года, а потом его семья переехала. Последнее, что я помню о нем: он дарит мне шоколадку и линейку. Обычную пластиковую китайскую линейку с нарисованными зайчиками. Там даже сантиметры были неправильные,

она как бы это сказать... Маломерила.

– Так вот почему у китайцев вся одежда на пару размеров меньше, чем написано на бирке! Все оттуда, все из детства! – рассмеялась я.

И вдруг мне стало безумно интересно, что с ним стало, с Максом. Вот сколько лет про него не вспоминала, и поди ж ты.

– Мам, – крикнула я что есть мочи. – А помнишь моего первого соседа по парте?

– Это Максимка, что ли? Помню! – прокричала в ответ родительница. Она была слишком занята, чтобы лезть ей под руку. Мамочка готовила холодец. В эти минуты вся семья выгонялась с кухни. Появляться хотя бы в дверях было чревато наказанием, от удара поварешкой по лбу до смертной казни. Мы с папой очень любили мамин холодец, поэтому не возражали. Нам даже это нравилось. Ну что сказать, у всех семей свои традиции. Наша вот – прятаться по углам от мамочки, пока она колдует над новогодним угощением.

– А как у него фамилия была?

– Слушай, да Листьев же!

– Какая ты у меня молодец, все помнишь! – подлизалась я.

– Элементарно, Ватсон. Журналист же был такой, Влад Листьев. Как раз в 95-м и погиб. Хороший был мужик, умный. Мы у них ещё спрашивали, не родственники ли. Уж больно папка его был на того журналиста похож, только что очков не носил! А тебе зачем?

– Да вот любопытно, что с ним стало... – ответила я.

И включила компьютер.

Значит, Максим Листьев. Не Петров, не Сидоров, и это уже хорошо. Не может быть в нашей стране так уж много парней с таким именем. С него, пожалуй, и начну!

Я снова поглядела на фотографию.

– Найду, всех найду! – сказала сама себе. Вот спроси кто, зачем оно мне надо, в жизни бы не ответила. Да я и сама не знала. Ответ был простой: хочется мне так! А если хочется, то надо сделать!

И я принялась искать.

Социальная сеть выдала мне длинный список всевозможных Максов. Худые, полные, лысые, лохматые, усатые, бородатые, гладко выбритые, в очках, без очков... И ни одного лопухого! Я пересмотрела всех. Если мой сосед и был тут, то очень надёжно спрятался.

– Мааам, – снова позвала я.

В ответ раздалось неразборчивое ворчание. Знаем-знаем, она недовольна тем, что ее отвлекают. Но это тоже дань традиции. Без этого никак! Так что я продолжила ее пытаться. Тем более, что мне в голову пришла мысль.

– А ты не помнишь, как у него родители выглядели?

– У Максима? Да я ж тебе говорю, отец вылитый журналист тот был!

Я открыла фото Влада Листьева и внимательно разглядела. Ну могло же так случиться, что сын пошел в отца и тоже

смахивает на звезду отечественной журналистики?

Ничего такой был дядька, глаза пронизательные. Люблю таких людей.

Снова открыла сайт и принялась листать ленту.

Он или не он? Да быть того не может, чтобы не он! Ну вылитый Листьев, только вот очков нет. Зато борода есть. Но постойте, уши-то лопоухие куда делись? И возраст не указан...

Я перелистала все фотки в его альбомах. И с удивлением обнаружила, что работает вот этот Максим в нашем городе, причем сравнительно недалеко от меня. Продает мобильные телефоны в одном из сетевых салонов.

– Мааам! – снова с кухни раздалось ворчание. Дождавшись связного "Что тебе неймётся?", я пошла в атаку.

– Не знаешь, Листьевы в город вернулись? Они вроде переезжали куда-то...

Мама выплыла из кухни с башней металлических лотков в руках. Пахло от них одуряюще вкусно. Я потянула носом, встала и открыла балконную дверь. Мама сгрузила на пол свою ношу. Собираетесь ругаться на меня за то, что я не помогла ей донести? Ну и зря. Это даже папе не разрешено. А вдруг мы, ротозеи, споткнемся, и всё полетит на пол? А мы споткнемся обязательно! Доверяй нам такие ценности как холодец, ага, как же! Только своими руками. Мама непогрешима. Говорю ведь, в каждой семье свои традиции, хоть порой и странные.

С кряхтением мама распрямилась, вытерла пот со лба и устала в экран, прямо на фотографию предположительно того самого Максима.

– А что, похож! – сказала она.

– Так что, возвращались они?

– И не уезжали никуда. Квартиру в наследство получили в другом районе и переехали.

– Ага, попался! – вслух подумала я.

Мама только усмехнулась. Не ей говорить мне о чудачествах.

Я сняла снимок со стены. Что бы ещё прихватить с собой... Вот бы ту линейку...

Я хлопнула себя по лбу. Так ведь жива линейка-то, жива! Я так часто получала от учительницы за неправильные чертежи, что просто перестала ее использовать по назначению и переложила в книгу вместо закладки! Подскочила к полке, достала сборник сказок. Лежит, родимая! Даже зайчики целы.

В общем, на следующее утро во всеоружии я направилась в Магазин.

В салоне было пусто. Только за прилавком скучал единственный продавец. Я присела напротив входа на лавочку и принялась наблюдать. Ох, и скучное это было занятие! Ну вот сидит парень, что-то смотрит в своем телефоне, и лицо у него при этом совершенно непрошибаемое. Хоть улыбнулся бы, что ли! Но нет, сидел как каменный. Я мысленно

пририсовала ему очки. Да, похож. И на вид вроде возраст совпадает... Ладно, пора.

К делу я подошла ответственно. Взяла из дома папку для бумаг, в которой ничего кроме фотографии и линейки не было. Расстегнула ее сейчас, чтобы в самый ответственный момент не копать.

И шагнула внутрь.

Он дежурно меня поприветствовал и изобразил интерес. Я подошла к стойке.

– Здравствуй, Максим, – ох, как же эффектно я выложила перед ним фотографию! Вот красивый получился жест, четкий.

Он непонимающим взглядом уставился на нее, нахмурился, в глазах промелькнул огонек узнавания. Не дав ему опомниться, я вытащила и положила на прилавок линейку.

– Юлька! Ты что ли? – бухнул он, и я вздрогнула. Ну и голос у него стал! Не голос, а труба иерихонская! Мощный такой бас.

– Ага, я, – закивала и улыбнулась.

– Ну даёшь! Как, откуда? – спросил он, все ещё улыбаясь.

– Забыл спросить зачем! – дополнила я. А он только рукой махнул. – Да вот стало интересно, как живёт мой первый сосед по парте!

– Юль, я все понимаю, но как-то ты поздновато опомнилась, не?

Вместо ответа я придвинула к себе снимок и засмотрелась

на него. Только сейчас у меня наконец появилось смутное понимание, зачем же мне все это надо.

Бабушки не стало год назад. В канун новогодних праздников ушла, тихо и спокойно. Нарядила ёлку, повесила гирлянду на окно, уселась в любимое кресло посмотреть телевизор, и уснула. Там ее и нашли. Мы с мамой целый год не могли, да и не хотели ничего менять в той квартирке. И ёлка простояла всё это время наряженная. Теперь, перед годовщиной, мы наконец занялись ее вещами. Так появились на свет памятки. Нашлась мамина кукла, тяжёлые очки деда и его же курительная трубка с запасом табака, мои ботиночки... Да много чего нашлось. Бабушка так нас любила, так берегла память о каких-то особенно дорогих сердцу мгновениях... Даже игрушки на ёлке все были с историями! Какая у кого любимая, где их покупали, да почему эти, а не другие, да у кого пара разбилась... Каждый год бабушка рассказывала нам одни и те же байки про них, но так живо и бойко, что это никогда не надоедало. Мы затем и приходили к ней в гости, если знали, что она будет наряжать ёлку, чтобы помочь, а больше послушать эти почти уже сказки...

В этом году мы сами пытались их себе рассказать.

– Мам, а давай отметим здесь, – вдруг предложила я. – Словно бабушка с нами. Ты не против?

Она взглянула на меня полными слез глазами и согласно кивнула. Папка тоже был за, он любил свою тещу и скучал по ней не меньше нашего. Потому теперь и пропадали мы

в квартире весь декабрь, даже спать иногда в ней ложились. Разбирали вещи да вспоминали бабулю. И холодец варили в старенькой хрущевке, а не в родительской просторной квартире. Ну не таскаться же с ним по улицам!

И теперь, прикасаясь к бабушкиным воспоминаниями, тебя эти фотографии, я словно тянула к ней руки. Глупость, скажете? Человеку давно за тридцатник, а он памятью питается. Знаете, вы и сами такие. Мы все такие.

Но не говорить же такие вещи совершенно чужому парню, пусть он и портил когда-то ручкой мои тетрадки, калякая в них всякую ерунду, стоило мне отвернуться!

– Вспоминаю детство, ностальгирую! – сгладила я. – Да вот, не поверишь, нашла эти фотки, и вдруг стало так интересно, кто все эти люди, куда делись... Дай, думаю, найду. Любопытство дело такое!

– И я попался под руку первым?

– Тебя я, в отличие от себя, на снимке узнала! И вспомнила!

– Погоди, а ты тут...

Я обречённо ткнула пальцем в медведя.

Он хохотнул.

– Ну чего, спасёшь меня от меня самой? Расскажи, что у тебя да как, а то ведь любопытство меня съест!

– Я-то? Да ничего! Счастливый папаша. Дочь вот родилась три года назад. Шпана та ещё, жена уже воет. Да и я, честно сказать, иногда подвываю... Вчера, ты прикинь, от меня

в магазине со шмотками сбежала, спряталась среди курток на вешалке и стоит молчит! Я туда, сюда, зову, кричу, уже менеджера напряг камеры смотреть... Минут десять искал, чуть с ума не сошел. А она за мной следила. И вдруг как заржет! Только по смеху нашел! Засранка мелкая! И ведь, понимаешь, возле меня стояла! Только потянулся свитер с вешалки взять, чтоб померить... Секундное дело, а она смыляясь. Хорошо хоть жена не в курсе, я ей не говорю, а то психовать начнет.

– А чего ж она с вами не пошла?

– Да заболела! Температура, сопли в три ручья. Ну я малую из дома и увел, чтоб мать не трогала и заразу не хватала. Заодно, думаю, хоть теплую одежду себе найду. А то весь шкаф фирменными футболками забит, больше нет ничего.

– Может, няню? – спросила я.

– Няня нужна хорошая, а иначе от нее одни проблемы. И нервы чтоб как канаты, с нашей иначе нельзя. Ну а ты как?

– Да тоже ничего!

– Все читаешь?

– Читаю, конечно! Но давно уже не только. Зверей лечу. Ветеринарный закончила. Работаю в одной маленькой клинике. Не сетевой. Мне там больше нравится, чем в крупной. Люди проще, приветливей. Многие давно уже свои, я их зверинец, так сказать, с младых когтей наблюдаю.

– А в попугаях разбираешься? – оживился он. – Мой дурачок решил тут на днях на батарею приземлиться. А ее то-

пят ого-го, сесть-то он сел, а потом как рванет оттуда! Боюсь, как бы лапы себе не обжег. Сидит на жердочке своей, не шевелится.

– Приноси, но это тебе не ко мне лучше. Я тебя в надёжные руки передам! Слушай, а вот это ты не знаешь, кто стоит? – Я вернула его мысли к снимку. Надо ж мне как-то искать других...

– Это Надька Сивцова, – он показал на Снежинку. – Мой отец с ее отцом на лыжах вечно ходил кататься. Ее ты не найдешь. Уехала она из страны. Замуж вышла и умотала в Канаду. Я даже фамилию ее новую не знаю. Кто вот эта девочка, понятия не имею. Это вот... – он взгляделся во второго зайца. – Не уверен, но волк вроде Юрка. Так вроде его звали. Похож...

– Зайцев, что ли?

– Точно, заяц-волк! Помнишь, ему ещё прохода не давали этой фразой, он аж в драки лез, лишь бы отстали!

Про Юрку я все знала. Разбился он, занесло зимой на дороге.

– А белочка?

– Вот белку не знаю! – ответил Максим.

– А про Валентину Ивановну ты хоть что-то знаешь?

– Дети-дети, встаньте в круг, ты мой друг, и я твой друг! – вдруг выдал Максим. Это ж надо! Я забыла, а он помнит! И правда ведь, Валентина Ивановна именно так нас собирала. И мирила. На счёт последнего у меня, правда, были сомне-

ния. Ну как можно помириться с кем-то только потому, что тебя заставляют держать его за руку и стоять рядом в хороводе? Или того хуже, за две руки, стоя напротив друг друга. "Ты мой друг и я твой друг, самый верный друг", – говорили мы, глядя в глаза своему практически кровному врагу, а потом разбегались по углам. И уже оттуда зыркали злобными глазенками, выжидая момент, чтобы приложить конкурента плюшевым медведем по чему придется. Но Валентина Ивановна эту цитату из фильма "Золушка" любила, и в непогрешимость своего метода, кажется, верила. Или просто она была мудрой и опытной, прекрасно знала, что конфликт из-за какой-нибудь особенно ценной игрушки главное во время прервать, а потом развести драчунов в разные стороны. В половине случаев они уже минут через 10 позабудут, что не поделили. Ну а со второй половиной уже стоит разобраться.

– Тётка была класс, – резюмировал бывший заяц. Но я про нее ничего не знаю.

– В саду, что ли, спросить... – пробормотала я. Да, надо будет им позвонить. Откажут так откажут, пошлют, так пошлют.

– Слушай, Юлька, а ведь вспомнил кое-что! – вдруг выдал Макс. – Она от сада через два двора жила! Точно. Мне один раз надо было к врачу, и мама должна была забрать меня до сна дневного. Но ее с работы не отпустили. Помнишь, она у меня в колбасном продавцом работала?

Ещё бы я не помнила тот колбасный... Его помнили, на-

верное, все. Аромат там стоял сногшибательный... Если вдруг случилось, что товар продавцам всё-таки доставался вовремя и свежий. В другие дни зайти было страшно. Но все равно ходили. А вдруг...

– У Валентины Ивановны в это время смена заканчивалась, – продолжил Максим. – Она маме накануне и предложила меня привести. Было неудобно, но без других вариантов. Мама согласилась. И пока Валентина ивановна меня вела, показала свой дом. Он там в двух шагах. Но сама понимаешь, уже почти 30 лет прошло. Ей сейчас, наверное, за 80...

Он замолчал, но оба мы в мыслях своих договорили одну единственную фразу: если ещё жива.

В детстве мне казалось, что Валентина Ивановна уже совсем старенькая. Надо же, седая какая! Все тети с цветными волосами, а она и правда как снеговик. Сейчас-то я понимаю, что вовсе она была не старушка. Лет 50-55, вряд ли старше. И прическу свою не освежала новым тоном только по её одной известной прихоти. Впрочем, надо отдать ей должное, Валентине Ивановне седина была необычайно к лицу.

Так что Максим прав, лет ей сейчас примерно 80. Если...

– А у тебя для нее тоже линейка есть? Как объяснятся будешь, чем доказывать? Только фоткой? – вдруг спросил Максим. Я опешила. – Нет, ну ты представь. Даже если она ещё жива, даже если в здравом уме и твердой памяти. Да мы ее перепугаем до смерти, если вдруг припрямся! Здрав-

ствуайте, а не вы ли та самая воспитательница... Двое против одной старушки. И это если мы к ней на улице подойдем. А если не дай бог в квартиру позвоним?

– Да уж... Стой, погоди, ты сказал "Мы?"

– Ну а ты думала? Мне тоже интересно. Умеешь ты, Сомова, заражать! То ветрянкой, то безумными идеями...

– Ветрянкой? Это ты про второй класс, что ли?

– Про него! Две недели по твоей милости провалялся. В самые, между прочим, снегопады! Все на улице, а я... Ладно. В общем, дом Валентины Ивановны я тебе покажу только живьем вот этим вот пальцем. Никаких карт и адресов. Бери меня в дело) Сегодня я занят, а завтра вечером давай сходим.

– А жена твоя на это что скажет? Что ты вечерами с другой женщиной по дворам околачиваешься, пока она с ребенком сидит?

– Ну у меня классная жена. Она и сама не прочь что-нибудь такое сотворить. Короче, не бери в голову, моя забота.

– Хорошо! Слушай, Максим, – я наконец осмелилась задать неудобный вопрос, что так и вертелся у меня на языке. – А где же твои лопухие уши?

– Ага, заметила? А я все жду, когда ж ты спросишь! Да переделал я их себе лет в двадцать, надоело. А теперь, не поверишь, жалею. Скучаю!

– Надо было тебя тогда медведем делать, – хоть этот ужас от Чебурашки не пришлось бы надевать!

– Каждому свой крест, мне вон какие антенны примотали. Хоть передачи на спине показывай вместо телека, – отшутился он.

Мы обменялись телефонами, и я отправилась домой.

Как быстро бабушкина квартира стала домом... Я знаю, что по завещанию она моя. Но эта бюрократия не идёт ни в какое сравнение с внутренним ощущением покоя, что я испытываю, переступая этот порог. Убежище. Дом.

Родителей не было, они в этот раз пошли ночевать к себе. А я переоделась в пижаму, налила себе чаю и уселась напротив ёлки. В стеклянных игрушках разбегались отражения огоньков. Бабушка не любила пластиковых. А вот современное стекло очень даже. Вот снегирь, которого мы подарили ей пару лет назад. Бабушка тогда впервые рассказала нам историю, как к ним в дом, а в детстве она жила в деревне, прилетала птичка. И они с подругой сумели ее подманить. Много дней они постепенно передвигали кормушку поближе, чтобы в конце концов любоваться трапезой прямо с крыльца. Снегирь к тому времени привык к их молчаливому присутствию и не улетал. А они все спорили, как его назвать: Алым за яркую грудь или Тихоном за необъяснимое сходством с соседом.

А вот этот шар мы с бабулей покупали вместе. Он был очень простым, фиолетовым в мелкий белый горох. На прилавке игрушки тогда появлялись не как сейчас, в середине осени, а под самый новый год. Была какая-то своя магия в

том, чтобы любоваться этим великолепием, трогать пальцами мишуру... Зная, что у тебя на этот поход в сказку есть всего несколько дней. В тот раз выбор был богатый, откуда уж в нашем магазинчике появилось столько, не знаю. И крокодилы, и белочки, и сосульки, и Красных шапочек две штучки... Но мы с бабушкой выбрали именно этот простенький на первый взгляд шарик. А потом, когда вешали его на ёлку, залюбовались, как же он красиво и благородно смотрится на ней. Не прогадали!

А вот эту игрушку бабушка берегла больше всех остальных, обматывала ватой в несколько слоев, клала подальше от края. Козлика Серебряное копытце подарил ей дедушка в тугие времена. Специально на него деньги припрятал, чтобы не потратить случайно. А потом по всему городу бегал, разыскивал игрушку. Дарил со словами: "Вот как Даренка с Кокованей после встречи с этим козликом стали жить радостно и благополучно, так и мы с тобой будем!". И ведь наладилось как-то! И денег стало в семье побольше, и жить полегче. Бабушка с тех пор очень любила эту сказку.

– Бабуля моя... Как же мне тебя не хватает, – прошептала я, глядя в окно. Там хлопьями валил снег.

Прошлый новый год мы не встречали так, как привыкли. Куда там... Какие салаты, какой праздник, когда человека, который сильнее всех нас любил этот праздник, с нами больше нет. Налили себе чайку, послушали президента. И все равно, когда били куранты, мама молча достала отку-

да-то крошечную настольную ёлочку и, обняв ее, смотрела, как стрелки на экране отсчитывают время. По лицу ее текли слезы. Тогда папа подошёл и обнял ее со спины. А я вскочила с кресла и схватила в охапку их обоих. Так мы и стояли как большой человек-осьминог с колючим зелёным сердцем. И сердце это означало бабушку.

Когда заиграл гимн, мама высвободилась из наших рук и со вздохом сожаления убрала ёлку обратно в шкаф.

– Она бы этого очень хотела, – шепнула моя родная. И мы были с нею согласны.

Зазвонил телефон. Я вынырнула из воспоминаний, поглядела на трубку. Максим.

– Ну, с женой я договорился! – бодро сообщил он мне. Завтра в семь у бывшего колбасного! Я согласилась.

Весь день мне было беспокойно. Я брала и тут же клала на место вещи, ходила туда-сюда, вставала, садилась, пила чай кружку за кружкой, чтобы чем-то занять руки. Найдем ли? Вспомнит ли? Это не давало мне покоя. Уже не задавалась вопросом, зачем мне это надо. Давно себе всё объяснила.

Не зря бабуля припрятала эти фотографии. У нее их было много, и все лежали в альбомах. А эти – отдельно, далеко. Значит, было в них что-то такое, что было особенно ценно. И пусть я никогда не пойму и не узнаю тайны, но прикасаясь к ее ценностям, я словно прикасалась к ней самой.

Вечер был тих. Такой хороший зимний вечер, когда хочется лепить снеговиков, хрустеть снегом под подошвой, пря-

тать нос в воротник, считать гирлянды в окнах... Макс стоял у колбасного, закутанный в огромный шарф.

– Привет, – сказала я ему. Он кивнул. – Ну что, куда?

И он повел меня к небольшому старому дому с балкончиками. Когда-то давно здание было рыжим, с весёлыми белыми подоконниками. Сейчас краска облупилась. Днём, наверное, это смотрелось ветхо, небрежно, грязно. А сейчас... Мы словно шли к дому старого волшебника, что спрятался в глуши от людской суеты, и там под покровом ночи пишет в волшебную книгу новые заклинания.

– Значит, здесь, – прошептала я.

– Да, – улыбнулся он. – Что делать будем?

Я пожалала плечами. А действительно, что делать-то? Этого мы как-то не продумали.

В кармане лежала старая фотография. Падал снег.

– А ты помнишь хоть что-нибудь из садовых времён? – спросила я.

– Ага, как аквариум мыли! И мы все дрались за сачок, которым рыб ловят. Их там было мало, а нас много. Но я одну поймал! А вот клетку попугая мыть никто не хотел.

– Ого! А я такого не помню! Кстати, не поверишь, с тех самых детсадовских пор гороховый суп не ем! Просто терпеть не могу! Его так часто давали!

– А я молочную лапшу, – вздохнул Максим. – Та ещё гадость.

– А утренник этот помнишь, – спросила я, вынимая из

кармана фотографию.

– Нет... Но нам, наверное, было весело. Вон, какие лица довольные.

– Думаю, да! И почему мне так хотелось быть медведем? Могла ж снежинкой, принцессой...

– Давай честно, принцессой ты никогда не была! Вот бандиткой, это да! – хохотнул он. – До сих пор помню, как ты мне линейкой по лбу дала, когда я тебе в тетрадке каракули нарисовал!

– Так я ж ее тогда сломала! – ахнула я.

– А я потом маме так и не признался, откуда у меня такой синяк! И линейку тебе именно поэтому подарил, – улыбнулся он.

– Ну вот видишь, историю я забыла, а ее сохранила!

– Да мы даже тогда не поссорились! Ну обозвали друг друга пару раз, и угомонились. Я ж за дело получил!

Мы посмотрели друг другу в глаза, и, не сговариваясь, грянули:

– Ты мой друг и я твой друг, самый верный друг!

Так грянули, что вороны, которые мёрзли на берёзе, с руганью снялись и улетели туда, где потише.

– Какая прелесть! – прошелестел за спиной женский голос. Мы обернулись.

Время ее не обидело. Да, она была на тридцать лет старше. Да, морщины разрисовали ее лицо паутинкой. Да, она опиралась на палочку. Но это была она! Добрые светлые глаза,

прямая спина, пальто по фигуре! Не узнать её было невозможно!

И голос... Тихий, спокойный, задумчивый. Очень красивый. Вот почему мы так любили, когда она читала нам сказки вслух. Это был голос доброго и мудрого человека, который щедро дарит свой свет людям.

Наша Валентина Ивановна...

– Когда-то давно я так часто напевала эту песню... – проговорила она тихо, словно самой себе.

– Так нам, нам пели! – Я вскочила с места. – Здравствуйте, Валентина Ивановна!

Это заставило ее встрепенуться. Она подняла голову и внимательно взгляделась в моё лицо...

– Я Юля! Юля...

– Сомова, – продолжила она и улыбнулась. – Я знаю.

Мы смотрели друг на друга, не находя слов. Мне так хотелось обнять эту хрупкую добрую женщину, но я почему-то не решалась. Но всем своим существом тянулась к ней...

Максим кашлянул, привлекая к себе внимание.

– А это Максим Листьев, помните? – я представила своего спутника. Она задумчиво перевела взгляд на него. И вдруг воскликнула:

– А как же! Рыбачок! Ох, ребята... Откуда же вы здесь?

Вместо ответа я протянула ей снимок. Валентина Ивановна долго разглядывала его, улыбалась, губы ее дрожали. Кажалось, ещё чуть-чуть, и она заплачет.

– Я нашла эту фотографию у бабушки. Она почему-то ее спрятала, но так, чтобы всегда можно было легко достать. Положила ее к своим памяткам, она так хранила свои самые ценные вещи. Не самые дорогие, в смысле, не такие, чтоб в ломбард носить, а для души... И эту почему-то спрятала. А я вот нашла их в этом году, и мне захотелось узнать про всех, кто на снимке. А нашла только Максима и Вас!

– Ну надо же... – прошептала наша воспитательница, не отводя глаз от фотографии. – Ну надо же...

– Наверное, она была на том утреннике, – задумалась я. – Поэтому и сохранила...

– Была, – тихо ответила Валентина Ивановна. И вдруг подняла на меня глаза: – Зои больше нет?

Не знаю, чему я больше удивилась: тому, что она помнит имя моей бабушки, или тому, как прозвучал ее вопрос. Как будто вся людская боль сжалась в три слова и выплеснулась наружу.

– Она умерла год назад, – так же тихо, на грани слышимости, ответила я.

– У тебя ее глаза. И нос совершенно ее... Ребят, пойдёмте ко мне на чай.

Удивлению нашему не было предела. И мы, конечно, согласились.

Это была удивительно уютная квартира. В погоне за современными дизайнами мы уже забыли, как хорошо бывает среди больших кресел, тяжёлых портьер, вязаных крюч-

ком скатертей и салфеток, керамических ваз с изящным орнаментом, статуэток Ленинградского фарфора... И повсюду книги... Старые, благородные переплёты. Я пробежала корешки глазами: сказки, мифы, путешествия, приключения...

Валентина Ивановна достала из серванта небольшие чайные чашечки, тончайшие, страшно в руку взять. Но мы даже слова не посмели сказать. Для нее было очень важно сделать все красиво. И в конце концов, когда в последний раз мы доставали свой сервиз? Вообще этого не помню!

В чайничек она бросила пару щепоток чая, а затем всякие ароматные травы. Я учуяла мяту, смородиновый лист... Запах стоял бесподобный.

Усадив нас за стол, она прошла к книжному шкафу и сняла что-то с полки. Я пригляделась: фотоальбом. Раскрыв его и пролистав, Валентина Ивановна положила свои воспоминания на стол. Я глянула на страницу.

Чёрно-белая фотография не была датирована. На карточке у новогодней ёлки, наряженной флажками и хлопушками, стояли две девушки. Им было лет 20, не больше... Такие красивые, улыбчивые, в модных тогда платьях. У одной были милые ямочки на щеках, а на густые кудри надвнута маска зайчика. А вторая... Вторая была моя бабушка, в этом не было никаких сомнений. Мне всегда говорили, что я ее копия.

– Ого...

– Зоя была такая замечательная, – Валентина Ивановна

улыбнулась, глядя девушек на снимке, таких юных и светлых... И вдруг уронила голову на руки, заплакала, заревела взахлёб. Мы бросились ее утешать, Максим принес из ванны полотенце. Она высморкалась, отдышалась было, снова расплакалась...

Остывал чай. Мы обнимали за плечи человека, что когда-то не раз вытирал наши слезы.

Было уже очень поздно, но ни я, ни Максим не спешили к двери. Было боязно оставить человека наедине с горем. А в том, что на душе у Валентины Ивановны именно горе, мы оба не сомневались. Ну нельзя в такую минуту быть одному. Сожрёт горе, проглотит.

Я смотрела на фотокарточку. Разглядывала молодую и очень красивую бабушку. Она так радостно улыбалась...

Валентина Ивановна всхлипнула ещё разок, а потом вдруг взяла меня за руку.

– Юлечка, ты, наверное, и не знаешь ничего... Твоя бабушка была моим самым лучшим другом! Много-много лет назад...

Эта история началась в маленькой деревне, разоренной войной. В ней и жильцов-то почти не осталось. Кто погиб, кто перебрался, кого-то увели. Валечка и ее мама прятались в лесу, пока немцы пировали в их избушке. Чудом спаслись. Ушли поздние грибы в лес собирать. А как стали возвращаться, издали чужие звуки слышали. Мама спохватилась,

дочь в охапку, и бегом. Как на патруль не нарвались? Чудом... Да и леса Клавдия знала хорошо. Увела свою малышку в самые непроглядные дебри. Неделю в глухомани выжидали. Мать не спала почти, все прислушивалась. Потом рискнула на разведку сходить. Валечка испугалась, в юбку мамкину вцепилась, не пускает в деревню. Страшно было ребенка в глухомани оставлять. Разрешила с собой пойти. Спрятала ее на полпути, сама добралась до крайних огородов. Оттуда втихаря огляделась.

За неделю от родной деревни мало что осталось. В их домике все переломали, но хоть не спалили. Соседи-старички сказали, что надолго фрицы не задержались, уже через три дня пошли дальше. С тех пор тишина.

И Клавдия решила ещё раз рискнуть. Сходила за дочкой. Вернулась домой.

Больше их никто не трогал, но и есть было нечего. Все унесли, до последнего зёрнышка закрома вымели.

Как-то Клавдия с дочкой опять пошли в лес. Вдруг орехов каких найти удастся, кореньев накопать... Вдруг шорох, шум! Затаились, смотрят, сквозь деревья старуха пробирается. Девочку за собой ведёт. И напевает что-то, чтоб маленькая меньше боялась. Вышла Клавдия, окликнула. Познакомились. Оказалось, из дальней деревни идут. Нет у них больше родного угла, всё разрушили. Жить негде... Решили счастья искать.

Пришли они в деревню.

Бабка Дарья с Зоенькой заняли осиротевшую избышку на краю деревни. Да так там и остались.

Вале и Зое было по пять лет, совсем крохи. Они подружались. Война войной, а дети они дети и есть. Даже если выпало им родиться в страшное время.

Кое-как пережили зиму, весной стало веселей. Но на всю жизнь Валя запомнила, как встречали они сорок пятый год. На всю их деревню сохранились единственные часы с механическим заводом. И как их фрицы с собой не забрали? В новогоднюю ночь все окружили деда Ивана и смотрели, как стрелки бегут. Каждый думал о своем. А Зоя с Валею дали друг другу обещание: что есть силы думать о том, чтобы война поскорей закончилась. Может, тогда случится чудо? Самое настоящее чудо для всей их родины?

И случилось. Закончилась война.

А дружба не закончилась. Так и росли вместе Зоя и Валя. Не разлей вода были. Учились вместе, на колхозных полях работали, на "пяточок" под гармонь плясать ходили... Вместе и в большой город поступать поехали. Валя хотела детей учить, Зоя мечтала стать архитектором.

Обеим удалось. Умные были, способные, трудолюбивые.

И каждый новый год вместе загадывали какое-нибудь желание. Чтобы чудо совершилось.

– Так под Новый год и поругались... – горько вздохнула Валентина Ивановна. – Мы той зимой сорок пятого всей деревней ёлку нарядили. Кто чем. Мама дала нам каких-то

лоскутков, и мы с Зоей свернули двух куколок, бабушка ее нас научила. Моя в синем платочке была, ее в зеленом. Принесли, повесили. И нам казалось, что красивее на ёлке ничего нет! Ох и хранили мы их потом, берегли! Каждый год на ёлку вешали. Пока в деревне жили, или вот в общежитии, так отмечали вместе, и ёлка у нас общая была. А как своими углами обзавелись, у каждой стала своя. И решили, что будем куколок по очереди вешать. Год я, год бабушка твоя. Чтоб им не разлучаться. Первый раз они у меня провисели. А на второй поехала я их твоей бабушке отвозить, и потеряла! Выпал свёрток из кармана, я и не заметила! Искала их потом, все оббегала. Да разве найдешь! Зоя так ругалась... Никак поверить не могла, что я не уберегла их. Кричала...

– Бабушка могла, да...

– Она у тебя такая была, что на уме, то и на языке. Ну и наговорила мне! А я обиделась, ушла, дверью хлопнула... Я же их искала, понимаете! Продрогла вся, изнервничалась, аж сердце чуть не выпрыгнуло! А она кричит... И нам бы, дурехам, поговорить потом, извиниться. Да куда там, гордые были! Разошлись... Вот так, ребята, из-за глупостей, из-за гордости своей непомерной, любимых людей и теряем! Больше у меня такого друга не было никогда.

– И песню вы с ней пели, да?

– Про жука-то? Конечно! Как поссоримся, так за руки возьмёмся и поем! Помогало нам это... Может, и тогда бы стоило, – вздохнула Валентина Ивановна. – До утренника мы

с ней больше не виделись. А в тот день, помню, выхожу я выступать, ведро это на голове, и вижу ее глаза! Ни с какими бы другими не спутала! Я от волнения даже слова забыла! Выкрутилась кое-как, отыграли. Дети ко мне бегут, фотографии надо делать, а я все бабушку твою ищу. А она ушла... Юлечка, милая, как же я по ней скучаю!

– А в детстве вы меня не узнали?

– Не узнала... Ты ведь совсем другая была, да и не осталось у меня фотографий, где мы сами совсем маленькие. А детская память короткая... Не признала.

– Знаете... Думаю, она тоже безумно по Вас скучала, – я погладила ее по руке. – Потому и фотографию эту спрятала. Не из-за меня. Из-за Вас...

– Ох, добрая ты, Юлечка... Как она была. Рада я, что у нее такая внучка. Такая семья. А у меня вот никого не осталось... Доживаю одинокий век среди этих вот книг. Единственные мои друзья... И ёлку много лет не наряжаю.

– У нас стоит. Прошлогодняя. Бабушкина. Валентина Ивановна, а приходите к нам на новый год! – вдруг выпалила я. – Вот прям в новогоднюю ночь и приходите! Думаю, бабушка бы очень этого хотела! Давайте встретим год вместе!

– Ох, Юлечка, а удобно ли?

– Удобно.

– Но у тебя же своя семья...

– Ну, родители у меня отличные. Они тоже скучают по бабушке. Я уверена, что они будут рады. Молодой человек

укатил в командировку, и вернётся только в феврале. Поэтому я настаиваю! А откажетесь – я приду и Вас украду! Я же медведь, мне силы хватит!

Я скорчила смешную мордашу и встала в позу силача, поднимающего гиру. Старая подруга моей бабушки в первый раз за вечер рассмеялась...

– Правильно ты сделала, что ее пригласила, – сказал мне Максим, когда мы в задумчивости брели по улице. В городе было уже за полночь.

– А как иначе? Да никак, – просто ответила я.

– Никак, – согласился он.

– А ты что делаешь на новый год? У вас какие планы? – вдруг спросила я.

– Да какие планы... С маленьким ребенком не разгуляешься. Дома будем, втроем. А что?

– Бери своих и давай к нам! Дочку спать положим, если что! В отдельную комнату. Места хватит.

И он вдруг согласился. А на утро перезвонил и сказал, что жена тоже согласна! Ей так понравилась эта история, что не терпится познакомиться с участниками.

Родители, как я и думала, тоже были за.

31 декабря Валентина Ивановна пришла ровно в девять, минута в минуту. Передала мне пакет, из которого доносился бесподобный запах свежей выпечки. Убрала в сторонку трость, сняла пальто. Разулась, вынула из пакетика красивые туфли. Подкрасила губы у зеркала. Держа спину ровно, про-

шла в квартиру. Благородная леди, аристократка не по крови, но по сути. Наверное, только я видела, как дрожат ее руки...

Мама проводила ее к столу. Но Валентина Ивановна попросила пару минут осмотреться. Мы отошли, не мешали.

Она ходила по дому как по музею. Только здесь к предметам можно было прикасаться. Она гладила листья комнатных растений на подоконнике, позвонила в стеклянный колокольчик на ёлке, улыбнулась большому старому плюшевому медведю, что сидел на кресле... Все здесь говорило ей о том, как жила давно потерянная близкая подруга.

Мама тихонько позвала ее. С полки моя родная достала тяжёлый фотоальбом. Пришла наша пора делиться воспоминаниями. С каким жадным любопытством листала моя воспитательница страницы, как слушала она истории, что хранили в себе снимки!

А я вдруг поняла, что все эти годы они жили не так уж далеко друг от друга. Всего полчаса ходьбы, и то неспешным шагом. Один город, одни улицы, одни фонари над головой... А не встретились. Не свела судьба. Так иногда бывает.

В дверь снова позвонили. На пороге стоял Максим со своей семьёй.

Ирина, его жена, оказалось милой худощавой девушкой с острым носиком и бойкими глазами. Она в секунду разделась и притянула к себе маленький укутанный кулёк на ножках. Сашка, их дочка, едва-едва отпраздновала трехлетие.

Стоило матери снять с нее уличную одежду, как она словно пружинка распрямилась и рванула в сторону комнаты. Пронеслась мимо моего отца, нырнула под стол, вылезла и в восхищении остановилась у ёлки.

– Санька, а поздороваться?! – прикрикнул на нее Максим. Девчушка примчалась назад, встала передо мной, выпалила приветствие и ускакала назад.

– Дочь, а с другими людьми здороваться не надо? – Ирина нахмурилась. Девочка подняла на нее удивлённые глаза. Она же уже сказала "здравствуйте", чего повторяться-то?

– Электровеник... – проворчала Ира. – Прости, она просто... Ну...

– Шebutная? – подсказала я.

– Ага... А я все думала, чего это медсестры меня так сочувственно по плечу в роддоме хлопали, когда имя узнавали. Видать, знали, чем Сашки выделяются. Банда!

– Да ладно уж, она забавная! Проходите!

Наконец я всех со всеми перезнакомила, мама убрала альбом, и мы стали усаживаться. Вдруг Ира вскрикнула и нырнула под стол. Чертыхаясь, вытащила наружу дочку.

– А если б я тебе сильнее на руку наступила? Все кости бы переломала! Ты как туда попала, вот тут же стояла, с папой рядом!

Сашенька надулась и обиженно топнула ножкой.

– Ваше высочество, дракон живёт не там, – вдруг раздался тихий и тёплый голос.

– Дяконь? – девочка обернулась. Валентина Ивановна улыбалась ей весело и приветливо.

– Я так поняла, наша принцесса отправилась на подвиг? Хотела сама, без верных принцев и рыцарей, победить чудовище?

– Дя, дя, чуёвесе! – радостно закричала девочка и запрыгала на одной ножке. – Поидить!

– Оно в другой пещере. Но вам туда пока рано. Сперва надо кое-что сделать!

Сашенька пулей метнулась к моей воспитательнице и усе-лась рядом с ней на диван.

– Съто? – спросила она, доверчиво заглядывая в глаза...

Через полчаса, накормленная Валентиной Ивановной просто до отвала едой настоящих героев, а на деле просто картошкой с мясом и огурцом, боевая принцесса удалилась в засаду. Спряталась на диване в соседней комнате, накрылась пледом и приготовилась мочить дракона. Валентина Ивановна временами тихонечко подвывала, изображая голос мифического существа. Когда Сашке вдруг наскучило ждать, она решила было выпрыгнуть из-под пледа и отправится в какой-нибудь ещё поход, но тут в игру вступила моя мама. На пару с Валентиной Ивановной они рассказали великолепную легенду о волшебном покрывале (а на деле просто маминой шали), которая делает непобедимым того, кто просидит под ней десять минут в тишине и без движения. Накрыли, тихонько вышли из комнаты. А когда вернулись, из-под всех

одеял и шалей доносилось тихое сопение. Уснула принцесса...

Мама подставила стулья к краю дивана, чтобы она не свалилась. Подложила подушек. И вернулась за стол.

– Это ж надо! Я б такого не сочинила, – восхитились Иришка.

– А почему мы ее к дракону отправили, а не к фее? Девочки же любят всяких там волшебниц, – уточнил Макс

– Да что вы, ваша фею в плен возьмёт и палочку отнимет! Ее – только на подвиги! – улыбнулась Валентина Ивановна.

Сашенька проспала все: и куранты, и салюты за окном, и песни под гитару, которую принес на праздник мой отец. И появление подарка под ёлкой...

Пенилось шампанское, исчезал из салатницы оливье. Пирог, что испекла наша гостья, был съеден с чаем. Это была чудесная ночь.

Валентина Ивановна улыбалась, глаза ее светились от счастья. Мы специально посадили ее у самой ёлки, и порой она оборачивалась, разглядывая игрушки, что своими руками развесила на ветках ее Зоенька...

Она уехала домой около трёх, мы отправили на такси. В коридоре, прощаясь, Валентина Ивановна шепнула мне на ухо:

– Ты знаешь, Юлечка, мне казалось, что она здесь, с нами...

Я была с ней совершенно согласна.

А через неделю мне вновь позвонил Максим.

– Привет! А у меня новости!

Я была ужасно рада его слышать.

– Санька-то моя все Валентину Ивановну забыть не может! Как проснулась у вас первого января, так с тех пор и спрашивает, где та бабушка, что к дракону с ней ходила! Ну, в общем, Юль, есть у нас теперь няня! Спасибо тебе!

Он мог не продолжать. На заднем фоне я отчётливо разобрала два голоса. Один спокойный, вдумчивый, взрослый. Второй звонкий и пока нечеткий. Но оба такие знакомые...

– И знаешь, чем они сейчас займутся? – продолжил Максим. – Иринка понесла им какие-то лоскутки...